This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DK
38
I4

IKONNIKOV, V.S.
OBSHCHIĬ VZGLIAD NA RAZ-
VITIE NAUKI RUSSKOĬ ISTORII

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

П. Иванович

Ikonnikov, V. S.

Общій взглядъ на развитіе науки русской исторіи.

(Вступительная лекція, читанная въ Университетѣ Св. Владиміра, 12 сентября 1868 года, доцентомъ Иконниковымъ).

Мм. Гг!

Русская исторія, какъ наука, существуетъ недавно. Петръ В. положилъ у насъ начало политическимъ наукамъ. По его приказанію Гавріилъ Бужинскій сдѣлалъ переводъ извѣстнаго въ то время сочиненія *Пуффендорфа:* »Введеніе къ исторіи замѣчательнѣйшихъ государствъ Европы«, въ которомъ главное вниманіе обращено на внутреннее состояніе; по этому сочиненію долженъ былъ заниматься царевичъ Алексѣй Петровичъ, и самъ Петръ иногда цитировалъ его. Совершая преобразованія въ духовенствѣ, Петръ хотѣлъ, чтобы они были сознательно усвоены тою средою, къ которой относились, и потому, по духовному регламенту, воспитанники Академіи должны были изучать политику по руководству того же *Пуффендорфа*, а онъ былъ защитникомъ системы территоріальнаго управленія церкви. Въ современныхъ библіотекахъ частныхъ лицъ можно было встрѣтить сочиненія *Гуго Гроція, Локка, Эразма Роттердамскаго, Гоббса, Бэкона, Ньютона, Юста Липсія и Макіавелли.*

Между тѣмъ на западѣ совершался поворотъ въ умственномъ направленіи, который отразился на развитіи политическихъ наукъ вообще и исторіи въ особенности. Теоретическая сторона этого направленія непосредственно примыкаетъ къ англійской философіи (Бэконъ, Гоббсъ, Локкъ); а практическая—тѣсно связана съ современнымъ состояніемъ европейскаго общества. Въ Голландіи, изгнанные Людовикомъ XIV протестанты основали цѣлый рядъ журналовъ, въ которыхъ затро

RH

DK 38

вались самые существенные вопросы религіи и политики. Наиболѣе выдающимся явленіемъ этой литературы былъ »Dictionnaire historique et critique« *Бэйля*, въ которомъ, по его собственному выраженію, анатомировались государство, церковь, религія, нравы, воспитаніе, наука и искусство. Вліяніе этого словаря было громадное. Датскій комикъ Гольбергъ разсказываетъ, что во время его путешествія по Франціи, тамъ всѣ публичныя библіотеки были постоянно осаждаемы молодежью, которая требовала для чтенія Словарь Бэйля. »Англійское »Королевское общество« открыло съ Бэйлемъ правильную переписку. *Лейбницъ* полагалъ, что его положенія о единствѣ философіи и религіи будутъ обезпечены только тогда, когда будутъ опровергнуты возраженія Бэйля. Фридрихъ Великій изучалъ его словарь самымъ ревностнымъ образомъ, а Готтшедъ думалъ, что лучше всего можно образовать нѣмцевъ, сдѣлавъ съ него переводъ. Принужденный удалиться изъ Франціи, вслѣдствіе притѣсненій протестантовъ Людовикомъ XIV, Бэйль заявилъ себя, въ своихъ произведеніяхъ, защитникомъ вѣротерпимости и врагомъ всякаго суевѣрія. Онъ съумѣлъ подойти подъ общее настроеніе и потому господствовалъ надъ цѣлымъ рядомъ человѣческихъ поколѣній.

Въ слѣдъ за нимъ идутъ *Болингброкъ*, *Вольтеръ*, *Монтескьё*, *Гиббонъ*, *Юмъ*, которые переносятъ новыя мысли въ историческую критику и заявляютъ о необходимости обработки исторіи на новыхъ началахъ. Первымъ выступилъ на этомъ направленіи англійскій министръ *Болингброкъ* въ своихъ »Письмахъ объ изученіи исторіи«. Онъ осмѣиваетъ обычай прежнихъ историковъ слишкомъ довѣряться извѣстіямъ о древнѣйшихъ временахъ, съ презрѣніемъ смотритъ на восточныя преданія и даже не вѣритъ въ эпическіе разсказы Геродота. А такъ какъ всѣ исторіи наполнены подобными фактами, то, для поддержанія достоинства науки, онъ совѣтуетъ обратиться къ *критикѣ* источниковъ. Въ чемъ же состоятъ требованія тогдашней критики? *Вольтеръ*, въ своемъ Essai sur les Moeurs et l'Esprit des Nations, отвѣчаетъ: *въ здравомъ смыслѣ*, и, при помощи его, подрываетъ довѣріе къ средневѣковымъ кроникамъ. Его сочиненіе важно въ томъ отношеніи, что здѣсь впервые полагаются въ основаніе исторіи—внутренняя жизнь общества, учрежденія, экономическое состояніе, промышленныя изобрѣтенія, литература и искусства. *Вольтеръ* говоритъ, что исторія должна быть нестолько изображеніемъ внѣшнихъ событій, сколько исторіей человѣческаго духа. Слѣдовательно отъ него ведетъ начало культурная исторія.

Въ противоположность прежней, провиденціальной точкѣ зрѣнія на событія исторіи, *Вольтеръ* все объясняетъ *изъ случайныхъ причинъ*, изъ разумныхъ и неразумныхъ дѣйствій человѣка; *Болингброкъ* въ основаніе ихъ полагаетъ *эгоизмъ*, а *Монтескьё* доказываетъ, что *климатъ* и естественныя условія страны непосредственно вліяютъ на учрежденія и нравы даннаго народа.

Таковы общія положенія, внесенныя въ исторію писателями XVIII вѣка. Своею строго проведенною системою они положили начало *прагматической исторіи*; а способомъ изложенія доставили себѣ многихъ послѣдователей. Смѣлость мыслей, рѣшительность въ сужденіяхъ, ясность и легкость въ выраженіи ихъ—вотъ что такъ сильно дѣйствовало въ произведеніяхъ этихъ писателей на современниковъ. Подъ вліяніемъ ихъ *Юмъ* внесъ культурную часть въ свою исторію Англіи; *Гиббонъ* старался подражать Вольтеру и Монтескьё, и даже, чуждый всякаго свободомыслія, шотландскій проповѣдникъ *Робертсонъ*, въ своей исторіи Карла V, слѣдуетъ Вольтеру въ искусствѣ разсказа и въ желаніи поучать. Вообще, стремившіеся къ вліянію и принимавшіе на себя роль наставниковъ современнаго поколѣнія—эти писатели внесли и въ исторію элементъ поучительный. И дѣйствительно, на нихъ стали смотрѣть какъ на представителей ума, необходимыхъ совѣтниковъ и руководителей. Фридрихъ II вызываетъ къ себѣ Вольтера, И. И. Шуваловъ, по желанію Императрицы Елисаветы, поручаетъ ему написать исторію Петра В.—и онъ написалъ. Екатерина II хотѣла, чтобы Дидро воспитывалъ наслѣдника престола Павла Петровича. И въ нашей исторіографіи есть слѣды вліянія писателей этого направленія.

Петръ В., положившій у насъ основаніе наукамъ политическимъ, естественнымъ и вообще научному знанію, обратилъ вниманіе и на русскую исторію. До сихъ поръ руководствомъ для нея служилъ у насъ *Сунопсисъ Гизеля*, въ которомъ первое мѣсто занимали толки о происхожденіи славянъ отъ Іафета; о связи ихъ съ Александромъ Македонскимъ; лѣтописныя басни; но Синопсису не доставало даже правильной системы. Петръ Великій хотѣлъ имѣть полную русскую исторію, безъ всякихъ разглагольствованій о происхожденіи народовъ и началѣ міра—и поручилъ написать ее Поликарпову; но трудъ этотъ не понравился Петру. Тогда онъ обратилъ вниманіе на источники и издалъ нѣсколько указовъ по монастырямъ и епархіямъ, чтобы выслали оттуда всѣ лѣтописи и историческія книги въ синодъ или сенатъ, заявивъ

при этомъ желаніе, чтобы русскія лѣтописи были «свѣрены и приведены въ согласіе». Петру В не удалось видѣть подобнаго труда; но изъ его школы вышелъ человѣкъ, который приступилъ къ русской исторіи съ подобною идеею. Это былъ *Татищевъ*.

Въ своемъ введеніи къ исторіи онъ говоритъ, что все, что онъ имѣетъ: чины, честь, имѣніе и главное *разумъ* — все это имѣетъ по милости Петра. Онъ сознается, что пребываніе за границею, гдѣ онъ пробылъ 15 лѣтъ, оказало на него большое вліяніе въ образовательномъ отношеніи. Для своихъ занятій Татищевъ пользовался извѣстною въ то время библіотекою графа Брюса. Подъ его руководствомъ, занялся онъ сначала географіей, а потомъ русскою исторіей и написалъ ее въ пяти томахъ—это плодъ тридцатилѣтнихъ трудовъ. Татищевъ имѣлъ подъ руками многія рукописи, которыя остались-бы безъ него неизвѣстными для послѣдующихъ историковъ; онъ открылъ такъ-называемую Іоакимовскую лѣтопись, но такъ какъ многіе источники, которыми онъ пользовался, были потомъ затеряны, то на Татищева взвели обвиненіе въ подлогѣ, хотя было уже нѣсколько примѣровъ, что извѣстія Татищева подтверждались памятниками. Въ своей исторіи онъ обратилъ вниманіе на характеръ русскихъ лѣтописей, на этнографію и археологію и первый положилъ у насъ въ основаніе историческихъ изслѣдованій *критику*. Впрочемъ только первый томъ его исторіи представляетъ историческую обработку; остальные—простой сводъ русскихъ лѣтописей. Кромѣ того, изданіемъ Русской Правды и Судебника съ примѣчаніями, Татищевъ положилъ начало обработкѣ юридическихъ памятниковъ.

Татищеву были извѣстны лучшія произведенія политической и философской литературы: сочиненія Г. Гроція, Пуффендорфа, Гоббса, Локка и Вольфа, но особенно онъ подчинился вліянію *Вольфа*, *Гоббса и Бэйля*, историческій словарь котораго онъ считалъ весьма полезнымъ. Его требованія, какъ историка, вполнѣ соотвѣтствовали требованіямъ времени. По его мнѣнію, историкъ долженъ обладать «*свободнымъ смысломъ*», умѣть отличать *правду* отъ лжи и въ особенности долженъ быть свободенъ *отъ предразсудковъ*. Поэтому ему необходимо знать философію, логику и *науку критики*. Въ основаніе своей исторіи Татищевъ полагаетъ *разумъ*; потому что причина всѣхъ дѣяній и событій есть умъ или отсутствіе его — глупость. Дѣйствія человѣка у него подчиняются соображеніямъ о пользѣ и разсчету. Слѣдовательно этотъ

принципъ вполнѣ соотвѣтствуетъ *эгоизму*, изъ котораго объясняли человѣческія побужденія Гоббсъ и писатели XVIII вѣка.

Въ исторіи человѣчества *Татищевъ* отмѣчаетъ три степени *умопросвѣщенія*: изобрѣтеніе буквъ, пришествіе Іисуса Христа и изобрѣтеніе книгопечатанія. И потому, въ своей исторіи, онъ обратилъ особенное вниманіе на введеніе христіанства и заведеніе училищъ. Онъ обстоятельно прослѣдилъ борьбу язычества съ христіанствомъ въ Россіи, и только у него сохранились подробныя свѣдѣнія о древнихъ училищахъ, объ изученіи греческаго и латинскаго языковъ въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи, и о лицахъ, покровительствовавшихъ просвѣщенію. Будучи самъ свидѣтелемъ правительственной реформы и придавая ей преимущественно образовательное значеніе, Татищевъ указываетъ, что и въ древней Руси о просвѣщеніи заботилось исключительно *правительство*.

Но тогда рождается вопросъ—зачѣмъ необходима была реформа, если правительство постоянно заботилось о немъ? Татищевъ отвѣчаетъ, что за долго до нея просвѣщеніе пришло въ упадокъ, и старается объяснить его причину. Здѣсь опять онъ выступаетъ послѣдователемъ современныхъ идей. Какъ на западѣ причиною умственнаго застоя считали духовенство, такъ и Татищевъ, воспитавшійся на идеяхъ Бэйля, винитъ его въ упадкѣ просвѣщенія Россіи. По его мнѣнію, съ татарскаго ига духовная власть получила бо́льшую силу надъ великими князьями и стала мѣшать ихъ распоряженіямъ. Но въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ есть свидѣтельства, что и представители церкви заботились о просвѣщеніи, да и самыя лѣтописи писаны духовными. Этотъ доводъ Татищевъ устраняетъ тѣмъ, что въ такихъ случаяхъ духовные дѣйствовали по иниціативѣ свѣтской власти, а лѣтописи, писанныя ими, не заслуживаютъ довѣрія, потому что наполнены баснями. Извѣстно, что наши лѣтописцы, какъ и вообще средневѣковые писатели, всякое явленіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, объясняли сверхъестественнымъ образомъ. Татищевъ или опускаетъ подобныя извѣстія, или старается объяснить ихъ по-своему, въ духѣ времени.

Происхожденіе государства онъ объясняетъ изъ семейнаго начала: на монарха переходитъ власть отца. Но форма правленія зависитъ отъ условій страны. Въ большихъ государствахъ, представляющихъ открытыя границы, наиболѣе удобна монархія. Всякое уклоненіе отъ формы правленія, обусловленной свойствами страны, ведетъ къ разрушенію

государства. Въ своей политической теоріи *Татищевъ* вѣренъ идеалу Петра В., и все, что уклоняется отъ него, онъ безотчетно порицаетъ. Древніе князья представляются ему самодержцами, а ихъ междоусобія и особенности новгородской жизни—онъ называетъ »безумными«. Въ исторію онъ переноситъ симпатіи, очевидно развившіяся подъ вліяніемъ реформъ Петра В. Онъ одобряетъ его мысль объ отобраніи монастырскихъ имуществъ и сочувствуетъ ограниченію дѣйствій духовенства исключительно въ духовной сферѣ. При Петрѣ В. всѣ, сочувствовавшіе его политическимъ взглядамъ, враждебно относились къ памяти патріарха Никона, и самъ Петръ подозрѣвалъ его въ разныхъ »замашкахъ«. Отсюда объясняется крайняя антипатія Татищева ко всему, что тѣсно связывалось съ личностью Никона, а Никоновскую лѣтопись онъ подозрѣваетъ въ поддѣлкѣ со стороны патріарха. Выраженія: »молилъ князь отца своего митрополита или епископа«, встрѣчающіяся въ этой лѣтописи, онъ считаетъ поставленными вмѣсто: послалъ князь, повелѣлъ князь митрополиту или епископу. А въ нѣкоторыхъ фактахъ онъ видитъ даже очевидное желаніе Никона защитить противниковъ государевыхъ, и объясняетъ это тѣмъ, что послѣдній самъ искалъ власти надъ государемъ.

Проводя въ исторіи политическіе взгляды Петра В., Татищевъ остался вѣренъ имъ и въ практической дѣятельности. Въ 1730 г., когда были представлены Аннѣ Іоанновнѣ ограничительные пункты, онъ подалъ Верховному Тайному Совѣту мнѣніе о необходимости возстановить неограниченное правленіе.

Однако Татищевъ, какъ историкъ, былъ долго забытъ. Это объясняется его мнѣніями. Татищевъ разсказываетъ, что когда онъ въ 1739 г. привезъ свою исторію въ Петербургъ, то всѣ возстали противъ нея, и, не смотря на сдѣланныя измѣненія, онъ не могъ ее напечатать. У современниковъ Татищевъ слылъ подъ именемъ вольнодумца, и даже исторіографъ Миллеръ, взявшійся за изданіе исторіи Татищева при Екатеринѣ II, долженъ былъ многое въ ней выпустить.

Послѣ Петра В. взглядъ на исторію значительно измѣнился. При Аннѣ Іоанновнѣ велѣно было отбирать петровскія изданія сочиненія Пуффендорфа. На судѣ Волынскаго ему было поставлено въ обвиненіе—распространеніе сочиненій Макіавелли и Юста Липсія. А при Елисаветѣ Петровнѣ было запрещено и другое изданіе временъ Петра В.—

Theatrum historicum Стратемана. Но въ царствованіе Екатерины II вліяніе западныхъ идей принимаетъ обширные размѣры.

Семнадцати лѣтъ Екатерина уже познакомилась съ сочиненіями Вольтера. Книга Гельвеція »О разумѣ« была настольною у нея и у ея сотрудницы Екатерины Дашковой, будущаго президента Академіи наукъ. А идеи Монтескьё нашли свое примѣненіе въ »Наказѣ«. Въ 1767 г. въ Москвѣ образовалось общество для перевода статей изъ Экциклопедіи. Оно состояло изъ знатныхъ лицъ, профессоровъ и молодыхъ людей извѣстныхъ фамилій. Въ русской исторіографіи это вліяніе можно прослѣдить на *Щербатовѣ и Болтинѣ.*

Исторія Татищева представляетъ только опытъ критическаго изслѣдованія, а въ цѣломъ не болѣе, какъ сводъ лѣтописей. *Щербатовъ* первый написалъ полную исторію Россіи до Михаила Ѳеодоровича (15 книгъ). Подобно Татищеву, и онъ старается прежде всего установить общую точкую зрѣнія. За основаніе своего изложенія историческихъ явленій, Щербатовъ беретъ извѣстную теорію Юма *о причинахъ и слѣдствіяхъ.* Слѣдя за ходомъ событій, онъ старается объяснять причину каждаго изъ нихъ, и такимъ образомъ полагаетъ у насъ начало *прагматической исторіи.* Но недостатокъ подготовительныхъ трудовъ и новость задачи не позволили Щербатову вполнѣ овладѣть матеріаломъ. Съ другой стороны, онъ придавалъ слишкомъ одностороннее значеніе *теоріи причинности*, и потому дѣлалъ иногда странные выводы. Онъ постоянно ищетъ объясненія событія въ ближайшемъ фактѣ и каждому факту старается указать извѣстную причину. Такъ у него часто повторяется слѣдующее объясненіе: »пользуясь спокойствіемъ, послѣдовавшимъ въ такомъ-то княжествѣ или во всей Россіи, такой-то князь вступилъ въ бракъ«.

Близко знакомый съ исторіею другихъ народовъ, *Щербатовъ* постоянно прибѣгаетъ къ сравненіямъ и ищетъ объясненія въ событіяхъ общей исторіи. Какъ Гиббонъ объясняетъ паденіе Римской имперіи появленіемъ христіанства, такъ Щербатовъ причиною татарскаго ига считаетъ упадокъ твердости духа и пренебреженіе мірскими цѣлями, вслѣдствіе распространившагося тогда аскетизма. Въ русской исторіи онъ открываетъ такую же борьбу свѣтской и духовной власти, какая намъ извѣстна изъ исторіи западной Европы, и проводитъ современную мысль »о разумномъ разграниченіи между гражданскими и духовными дѣлами«.

Подобно Татищеву, онъ также считаетъ обязанностью историка не вѣрить суевѣрнымъ сказаніямъ древнихъ лѣтописцевъ. Но для характеристики времени весьма важно объясненіе Щербатова. Онъ говоритъ: »*въ нынѣшнія просвѣщенныя времена, когда все измѣряютъ мѣриломъ здраваго разсудка, никто имъ не повѣритъ*«. Однако онъ считаетъ нужнымъ помѣстить въ своей исторіи и народныя преданія, потому что они выражаютъ собою *умоначертаніе* древней Руси. На западѣ философскіе политики выработали идею политической религіи и выставили принципъ, что главное дѣло заключается не въ формѣ религіи, а въ ея примѣненіи. Благодаря такому обороту, Монтескье достигъ того, что его »Духъ Законовъ« не подвергся запрещенію католическаго духовенства. Эту идею Щербатовъ приложилъ къ своей исторіи, въ которой старательно указываетъ примѣры, какъ можно пользоваться религіозными вѣрованіями для политическихъ предпріятій; »потому что государственная польза позволяетъ дѣлать нарушеніе церковныхъ обрядовъ«. Смотря на религію съ политической стороны, Щербатовъ проводитъ въ исторіи идею вѣротерпимости и порицаетъ преслѣдованіе еретиковъ.

Между тѣмъ, въ 1787 г. французскій докторъ *Леклеркъ* издалъ свою Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne et moderne, которая, благодаря легкому изложенію и смѣлости сужденій, быстро распространилась и обратила на себя вниманіе. Рѣзкіе приговоры автора о характерѣ древнихъ князей русскихъ, о дикости нравовъ въ древнѣйшій періодъ, о сухости русскихъ лѣтописей и неспособности русскаго языка къ выраженію отвлеченныхъ понятій, и т. п. вызвали на возраженіе знатока русской исторіи—*Болтина*, который написалъ противъ Леклерка два тома примѣчаній, гдѣ шагъ за шагомъ преслѣдуетъ онъ своего противника и противъ каждаго положенія ставитъ свое возраженіе. Но разбирая мнѣнія Леклерка, Болтинъ задѣлъ косвенно сочиненіе Щербатова, и это было поводомъ къ новой полемикѣ, окончившейся подробнымъ разборомъ исторіи послѣдняго.

Въ этой полемикѣ уже ясно высказалась потребность *критики*, и Болтинъ оба своихъ разбора назвалъ *критическими примѣчаніями*. Болѣе даровитый, чѣмъ Щербатовъ, онъ значительно ослабилъ довѣріе къ его труду, а своимъ разборомъ далъ читателямъ средство пользоваться добросовѣстно составленною исторіею, представлявшею обильный матеріалъ неизданныхъ памятниковъ. По своимъ историче-

скимъ взглядамъ, *Болтинъ* представляетъ въ нашей исторіографіи крайнее развитіе разсматриваемаго нами направленія. Ему не нравится умѣренность Щербатова. Онъ упрекаетъ его за довѣріе къ Никоновской лѣтописи и исключаетъ изъ исторіи всякія преданія, а надъ сказаніями, свидѣтельствующими, по Щербатову, объ умоначертаніи народа, положительно смѣется. Онъ осмѣиваетъ религіозные нравы древней Руси и радуется, что со времени Петра В. начались иные порядки. Замѣчательна сила вліянія идей: Болтинъ взялся защитить Россію противъ Леклерка, но когда ему пришлось сдѣлать возраженіе на замѣчаніе Леклерка о необразованности тогдашняго русскаго духовенства, Болтинъ дѣлаетъ оговорку въ такомъ родѣ, что полезнѣе, если духовенство необразованно. Всѣ его факты въ этомъ вопросѣ основаны на Рейналѣ, Словарѣ Бэйля и Essai Вольтера.

Вотъ общій очеркъ развитія у насъ историческихъ понятій подъ вліяніемъ современныхъ идей философіи, господствовавшихъ въ исторіи. Какъ бы ни были крайни выводы этого направленія, но оно внесло въ науку положенія, важныя для дальнѣйшаго ея развитія. Въ основаніе историческихъ изслѣдованій была положена *критика* извѣстій и фактовъ, и прежнее, безусловное довѣріе къ источнику было нарушено.

Теперь, когда высказаны были подобныя требованія, слѣдовало отдѣлить каждый фактъ и опредѣлить его значеніе въ общемъ развитіи исторіи; т. е. систематизировать факты въ стройное цѣлое; указать общія начала науки Критическія замѣчанія предъидущихъ писателей были не болѣе, какъ отдѣльныя замѣчанія. Трудъ Щербатова лучше всего показываетъ, на сколько и онъ былъ въ зависимости отъ массы фактовъ, не умѣя отличать главныхъ отъ менѣе важныхъ, болѣе достовѣрныхъ извѣстій отъ ошибочныхъ, и потому у него нерѣдко повторяются самыя различныя свидѣтельства источниковъ объ одномъ и томъ же предметѣ.

Созданіе научной системы принадлежитъ другому направленію, которое шло одновременно съ предъидущимъ.

Петръ В., желая дать прочное основаніе наукѣ въ Россіи, предположилъ открыть *Академію наукъ*, главная обязанность которой состояла въ распространеніи у насъ научныхъ знаній и содѣйствіи обработкѣ наукъ. Съ этою цѣлью были учреждены при Академіи каѳедры, въ томъ числѣ и по русской исторіи. Но, за недостаткомъ способныхъ къ этому людей, на первыхъ порахъ обратились къ иностраннымъ уче-

нымъ, и русская исторія не избѣжала общей участи. Такъ, эту каѳедру въ XVIII вѣкѣ послѣдовательно занимали *Байеръ*, *Миллеръ* и *Шлецеръ* —истинные представители *германской учености*. Вмѣстѣ съ ними является еще нѣсколько иностранцевъ, которые работаютъ на томъ же поприщѣ. Съ ихъ именами связана обработка первоначальныхъ источниковъ русской исторіи, изданіе иностранныхъ памятниковъ, имѣющихъ отношеніе къ Россіи, собраніе матеріаловъ. А Миллеръ полагаетъ основаніе первому русскому журналу Изъ этой же среды вышелъ человѣкъ, который сдѣлалъ эпоху въ русской исторіографіи. Это былъ—*Шлецеръ*, занявшійся спеціально русскими лѣтописями, но только по выѣздѣ заграницу издавшій своего »Нестора«, который на долго опредѣлилъ дальнѣйшее развитіе науки русской исторіи.

Въ этомъ трудѣ Шлецеръ отрицательно отнесся къ предъидущимъ дѣятелямъ и заявилъ о необходимости *положительныхъ началъ критики*. До сихъ поръ, по его мнѣнію, она не могла дать хорошихъ результатовъ, потому что прежніе изслѣдователи пользовались источниками какъ попало, не обращая вниманія на дурные и хорошіе списки лѣтописей. За основаніе источниковъ русской исторіи слѣдуетъ принять лѣтопись Нестора, какъ болѣе древнюю; но такъ какъ и она имѣетъ нѣсколько списковъ, то слѣдуетъ положить въ основаніи критическіе пріемы, выработанные изученіемъ иностранной исторіи. По этимъ правиламъ прійдется отдѣлить то, что принадлежитъ Нестору, отъ позднѣйшихъ вставокъ, и за тѣмъ повѣрить исторически, возможно-ли по времени событіе, разсказываемое лѣтописцемъ (*критика словъ* и *критика фактовъ*). Такъ образовался *очищенный Несторъ Шлецера* Далѣе, *Шлецеръ* строитъ начала, на которыхъ, по его мнѣнію, основалась русская исторія. Его положенія имѣютъ историческое значеніе, въ смыслѣ теоріи. Въ концѣ XVIII в. въ Германіи пробудилась идея германскаго единства, и занятія исторіей Германіи получили національный интересъ. Шлецеръ, по своей журнальной и профессорской дѣятельности въ Геттингенѣ, куда онъ удалился изъ Россіи, былъ представителемъ этого направленія. Нѣмецкіе историки стали внимательно слѣдить за развитіемъ германскихъ элементовъ въ Европѣ и пришли къ весьма важному общему выводу. Государства западной Европы составились изъ двухъ враждебныхъ элементовъ: побѣдителей и побѣжденныхъ. Первоначальные жители страны находились на низшей степени развитія; но являются побѣдители, германцы, вносятъ порядокъ

и полагаютъ начало государственному устройству Такимъ образомъ *германскій элементъ* является образующимъ началомъ. Дальнѣйшій порядокъ каждой страны развивается изъ этихъ противоположныхъ началъ—побѣдителей и побѣжденныхъ: является феодальная система, смѣсь языка, новое законодательство. Шлецеръ примѣнилъ результаты этихъ изслѣдованій къ русской исторіи Въ началѣ ея тоже встрѣчаются два элемента: славянскій и варяго-русскій. Байеръ и Миллеръ старались доказать, что послѣдній скандинавскаго происхожденія. Шлецеръ подробно развилъ эту теорію и утвердилъ мнѣніе, что варяго-руссы или норманны есть именно шведы, а Рюрикъ—нѣмецъ. Но въ лѣтописи есть извѣстіе, что варяги до своего призванія владѣли нѣкоторое время славянами—и вотъ Шлецеръ принимаетъ *завоевательный элементъ* въ русской исторіи, тѣмъ болѣе, что и потомъ, призванные варяги, привели съ собою всю Русь, значитъ столько, что иноземный элементъ долженъ былъ оказать свое вліяніе. *Мужи*, которымъ Рюрикъ раздалъ волости, представляются Шлецеру настоящими *феодалами*; а Русская Правда законодательствомъ *скандинавскимъ* Даже древній бытъ Новгорода Миллеръ и Шлецеръ объясняли заимствованіемъ изъ образца *ганзейскихъ городовъ*. Примѣняя свою теорію въ критикѣ Нестора, Шлецеръ принимаетъ за основной текстъ тѣ чтенія разныхъ списковъ, которыя удовлетворяютъ ей; а остальныя онъ признаетъ позднѣйшими вставками или искаженіемъ переписчика.

Какъ ни была съ виду произвольна эта теорія, но своею строго-проведенною системою и умѣньемъ констатировать факты, Шлецеръ на долго остался руководителемъ въ разработкѣ Русской исторіи. Утвержденное имъ, скандинавское происхожденіе варяго-руссовъ выдержало всѣ посягательства ученыхъ противниковъ, феодализмъ на Руси былъ принятъ потомъ Полевымъ и Кавелинымъ [1]), а его скептическое отношеніе къ источникамъ было приложено на болѣе широкихъ основаніяхъ *скептиками*. Но въ то время, когда Шлецеръ писалъ своего Нестора, уже была высказана потребность имѣть такую русскую исторію, которая была-бы написана съ философскимъ умомъ, съ критикою и благороднымъ краснорѣчіемъ. Это требованіе заявилъ *Карамзинъ*

---

[1]) Карамзинъ, отрицая завоеваніе, феодализмъ почти принимаетъ, выражаясь «кажется». Онъ видитъ также вліяніе скандинавскаго элемента въ законодательствѣ и обычаяхъ.

въ 1798 г., а въ 1803 г. онъ выразилъ желаніе написать такую исторію и былъ сдѣланъ исторіографомъ.

Карамзинъ былъ близко знакомъ съ литературою XVIII вѣка: сочиненіями Вольтера, Монтескьё, д'Аламбера, Руссо, Канта, Гердера, Лессинга, Юма, Фергюсона. Но въ своей литературной дѣятельности и въ исторіи онъ является представителемъ опредѣленнаго направленія.

Какъ реакція быстрому развитію общественной жизни на западѣ въ духѣ французской философіи—является ученіе вышедшее изъ того же направленія—о необходимости возвращенія к естественному состоянію, къ примиренію съ природою. Представителемъ его былъ Руссо. Онъ ищетъ идеала въ первобытномъ состояніи человѣка и роскошному вѣку рекомендуетъ идиллію пастушеской жизни Его Эмиль и Элоиза имѣли громадный успѣхъ и породили въ Европѣ множество чувствительныхъ романовъ. Всѣ мечтательныя натуры искали удовлетворенія въ этомъ направленіи; другіе пускались въ мистику и наполняли ряды масоновъ, сильно распространившихся тогда по Европѣ.

Карамзинъ является у насъ проводникомъ *сентиментальнаго направленія* въ литературѣ. Воспитанный въ такихъ началахъ сперва въ пансіонѣ Шадена, потомъ въ кружкѣ Новикова, и особенно развившійся подъ вліяніемъ сочиненій Руссо, котораго онъ признавалъ величайшимъ философомъ, достойнымъ всегдашней памяти человѣчества, Карамзинъ усвоилъ себѣ строгія правила нравственности и добродѣтели. Будучи свидѣтелемъ національныхъ стремленій, пробудившихся въ это время въ Германіи, а за тѣмъ завоевательной политики Наполеона и тѣхъ результатовъ, какіе производили вездѣ патріотическія движенія противъ иноземнаго владычества—Карамзинъ сдѣлался выразителемъ національной политики и патріотизма, которые также горячо проводились представителями того направленія, изъ котораго онъ вышелъ Наконецъ, современныя великія событія европейской исторіи: французская революція и паденіе Наполеона, послужили Карамзину основаніемъ для практическаго направленія—о необходимости спокойнаго развитія исторіи и примиренія съ гражданскими бѣдствіями. Димитрій Донской долженъ былъ напоминать Александра I, а изображеніе государственныхъ невзгодъ указывать, что онѣ необходимы, но также преходящи.

»Исторія, говоритъ Карамзинъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ: главная, необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣяльности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ по-

томству; изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго. Правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи, и смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна. Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастіе. Но и простой гражданинъ долженъ читить исторію. Она миритъ его съ несовершенствами видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и государство не разрушалось; она питаетъ нравственное чувство, и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости, которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества».

«Если всякая исторія, даже неискусно писанная, бываетъ пріятна, какъ говоритъ Плиній: тѣмъ болѣе отечественная. Истинный космополитъ есть существо метафизическое..... Чувство *мы, наше* оживляетъ повѣствованіе,—и какъ грубое пристрастіе - слѣдствіе ума слабаго, или души слабой, неспосно въ историкѣ: такъ любовь къ отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души».

Въ исторіи Россіи, *Карамзинъ* видитъ два основныхъ начала, руководствующихъ ея событіями, это—*самодержавіе* и *вѣра*. Еще въ своей повѣсти «Марѳа Посадница», онъ выразился: «Народы дикіе любятъ независимость; народы мудрые любятъ порядокъ, а нѣтъ порядка безъ власти самодержавной». И его исторія есть «Исторія государства Россійскаго». Древнѣйшіе князья представляются ему настоящими самодержцами, и потому онъ порицаетъ всякое уклоненіе отъ этого порядка въ тѣхъ лицахъ, которыя дѣйствовали иначе, чѣмъ можно было ожидать, если бы въ то время уже существовалъ подобный порядокъ. Поэтому время княжеской борьбы, послѣдовавшей за Ярославомъ I, онъ называетъ самымъ несчастнѣйшимъ періодомъ и выражаетъ особенную симпатію Московскимъ князьямъ, стремившимся къ единовластію, а Іоаннъ III возведенъ у него въ идеалъ монарха. Рядомъ съ этимъ Карамзинъ указываетъ, что установленію государственнаго порядка много способствовало духовенство, которое не стремилось къ господству, какъ это было на западѣ, а укрѣпляло свѣтскую власть. «Исторія, говоритъ онъ, подтверждаетъ истину, предлагаемую всѣми политиками-философами, и

только для однихъ легкихъ умовъ сомнительную, что вѣра есть особенная сила государственная. Въ западныхъ странахъ Европейскихъ, духовная власть присвоила себѣ мірскую оттого, что имѣла дѣло съ народами полудикими—Готѳами, Лонгобардами, Франками, — которые, овладѣвъ ими и принявъ христіанство, долго не умѣли согласить онаго съ своими гражданскими законами, ни утвердить естественныхъ границъ между сими двумя властями: а Греческая церковь возсіяла въ державѣ благоустроенной, и духовенство немогло столь легко захватить чуждыхъ ему правъ. Къ счастію, Святой Владиміръ предпочелъ Константинополь Риму«. Карамзинъ уже не относится отрицательно къ древнимъ лѣтописцамъ, потому что они были духовные; но даже считаетъ »обязанностью историка уважать предковъ и безъ гордости и насмѣшекъ описывать вѣки душевнаго младенчества, легковѣрія, баснословія; не измѣняя характера времени и лѣтописцевъ«. Слѣдовательно въ общемъ взглядѣ на развитіе прошедшей исторіи, Карамзинъ составляетъ прямую противоположность съ своими предшественниками

Но у Карамзина есть еще и другая особенность. Въ оцѣнкѣ историческихъ дѣятелей и событій онъ стоитъ исключительно на нравственной точкѣ зрѣнія, и въ своей исторіи вполнѣ прилагаетъ ученіе Руссо о добродѣтели. Щербатовъ признаетъ необходимость политической религіи, соображеній политики. Карамзинъ говоритъ: »*Правила нравственности и добродѣтели святѣе всѣхъ иныхъ, и служатъ основаніемъ истинной политики.* Судъ исторіи, единственный для государей - кромѣ суда Небеснаго—неизвинитъ и самаго счастливаго злодѣйства, ибо отъ человѣка зависитъ только дѣло, а слѣдствіе отъ Бога«. Передъ нравственнымъ судомъ Карамзина были равны всѣ времена и народы, всѣ разряды общества, подвластные и власть имѣющіе. Іоаннъ Грозный, Борисъ Годуновъ и Василій Шуйскій потому заслужили такой строгій приговоръ съ его стороны, что »не имѣли добродѣтелей«, между тѣмъ подвигъ Шибанова, слуги Курбскаго, сочтенъ добродѣтельнымъ и достойнымъ исторіи. Преслѣдуя въ исторіи главнымъ образомъ развитіе самодержавія, Карамзинъ плачется надъ участью республиканскаго Новгорода; а говоря о жестокостяхъ Іоанна III, котораго онъ такъ возвеличилъ, какъ дѣятеля государственнаго, онъ дѣлаетъ такой приговоръ: »рѣдко основатели монархій славятся *нѣжною чувствительностью.*« Въ его исторіи не существуетъ: vae victis! Хотя, принимая во вниманіе существующій порядокъ вещей, онъ соглашается, что госу-

дарственная польза иногда требуетъ отступать отъ его основанія политики.

Нравственная сторона исторіи Карамзина пріобрѣла ему многихъ враговъ и поклонниковъ. Одни цѣнили ее за строгіе, нравственные приговоры, и въ этомъ отношеніи его исторія оказала большое вліяніе на общество, воспитавши нѣсколько поколѣній. Другіе, напротивъ, видѣли въ ней слишкомъ рѣзкое обличеніе и желаніе поучать прошедшимъ настоящее, и потому старались мѣшать ему и даже чернили его, а при Магницкомъ самое *имя Карамзина* запрещено было произносить съ каѳедры.

Съ внѣшней стороны его исторія представляетъ также замѣчательное явленіе. *Изящное изложеніе* онъ считалъ необходимымъ для историка, а его близкое знакомство съ духомъ русскаго языка, выработанное долгимъ литературнымъ трудомъ и журнальною дѣятельностью, позволило ему осуществить это требованіе; такъ что и теперь его исторія читается легко, и легче многихъ современныхъ литературныхъ произведеній. Но если въ исторіи русскаго языка слогъ Карамзина открываетъ новый періодъ, когда въ языкѣ стала развиваться *пріятность*, то его исторію съ полнымъ правомъ можно назвать *художественною*, а его представителемъ художественнаго направленія въ русской исторіи. Пушкинъ назвалъ Карамзина «Колумбомъ древней Россіи» — и онъ былъ правъ, потому что Карамзинъ своимъ изложеніемъ заставилъ читать русскую исторію; тогда какъ Щербатова, съ его ломаннымъ на древній ладъ языкомъ, могли читать только немногіе.

При всемъ томъ исторія Карамзина представляетъ важный недостатокъ въ общемъ изложеніи событій: это—оцѣнка ихъ съ современной точки зрѣнія, смѣшеніе самыхъ различныхъ эпохъ на основаніи послѣдующихъ результатовъ. Въ древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи Карамзинъ видитъ готовое государство и значительную цивилизацію, ничѣмъ не уступающую западно-европейской. Поэтому-то, принимаясь за исторію уже съ образовавшимся взглядомъ, онъ такъ боялся, что не удовлетворитъ критическимъ пріемамъ Шлецера. Но Шлецеръ долженъ былъ оказать свое вліяніе на историческую литературу; тѣмъ болѣе, что въ это время скептическій Нибуръ подорвалъ довѣріе къ древней исторіи Рима. За тѣмъ явились труды Гизо, Тьерри, распространившіе новые взгляды на исторію. Результатомъ этой литературы были у насъ: *Полевой* и *скептическая школа*. *Полевой* зая-

вилъ, что трудъ Карамзина не удовлетворяетъ современной критикѣ и снялъ идеализацію съ древняго періода. *Скептики* пошли далѣе, и, заподозрѣвая факты, на которыхъ опирался Карамзинъ въ доказательство просвѣщенія древней Руси, отрицательно отнеслись и къ самымъ источникамъ вплоть до XII вѣка. Такая крайность вызвала въ свою очередь другую. Противниками скептиковъ выступили *Бутковъ и Погодинъ*, извѣстный своимъ *математическимъ методомъ*. Скептики заподозрѣвали достовѣрность источниковъ; *Погодинъ* объявляетъ, что каждая буква лѣтописи дорога и измѣряетъ смыслъ фактовъ ихъ *количествомъ*, обращая факты въ *статистическую цифру*.

Національное движеніе въ Германіи пробудило въ обществѣ серьёзное стремленіе къ занятіямъ отечественною исторіею: отсюда возникаетъ цѣлый рядъ изслѣдованій въ области языка, религіи и права, которыя объяснили первоначальную исторію Германіи. А Дерптскій профессоръ Эверсъ примѣнилъ тѣже начала изъ области юридическаго быта къ русской исторіи. Стараясь показать, что не слѣдуетъ переносить на древнѣйшее состояніе страны современныхъ понятій, онъ остановился на родовомъ бытѣ, изъ котораго развивается государство. На государя переходитъ власть родоначальника; а государство есть не что иное, какъ соединеніе родовъ или большихъ семействъ подъ начальствомъ одного главы. Управленіе государствомъ есть управленіе большимъ семействомъ, которое послужило на первыхъ порахъ образцомъ для новаго общества. Эти положенія, подробнѣе развитыя, легли въ основаніе цѣлаго направленія въ нашей исторіи, которое можно назвать *историко-юридическимъ*. Представителями его служатъ *Соловьевъ* и *Кавелинъ*. Разница между ними та, что *Соловьевъ* образованіе государства ведетъ непосредственно изъ рода, а *Кавелинъ* предполагаетъ прежде разложеніе рода на семейства и вноситъ, какъ посредствующее звѣно, такъ-называемое *вотчинное начало*, которое проявляется уже въ дѣятельности Мономаха, но вполнѣ развилось въ періодъ отъ Андрея Боголюбскаго до окончательнаго утвержденія власти Москвы. Здѣсь вполнѣ утверждается порядокъ престолонаслѣдія отъ отца къ старшему сыну—и государственное начало торжествуетъ.

Соловьевъ въ замѣнъ вотчиннаго начала предлагаетъ *теорію о новыхъ городахъ*, основанныхъ князьями въ сѣверной Руси, на которые стали опираться суздальскіе князья, и такимъ образомъ старались утвердить государственный порядокъ на новой почвѣ. Слѣдовательно

здѣсь Соловьевъ сходится съ Карамзинымъ, который также видѣлъ въ суздальскихъ князьяхъ стремленіе къ образованію государства.

Всѣ явленія общественной жизни у Соловьева сводятся къ двумъ началамъ: *родовому быту и государству*. И замѣчаніе К. Аксакова, что Исторія *Россіи* Соловьева есть продолженіе Исторіи *Государства* Россійскаго Карамзина—вполнѣ справедливо. Хотя въ Исторіи Россіи и есть довольно подробныя обозрѣнія внутренней жизни, но они совершенно отдѣлены отъ общаго изложенія и составлены такъ-сказать по статьямъ, не представляя полной картины внутренней жизни общества.

Историко-юридическое направленіе вполнѣ развиваетъ положеніе *Гегеля*: »что дѣйствитетьно существуетъ, то разумно«. Такъ московское государство представляется у него разумнымъ завершеніемъ предъидущаго періода, а вся древняя Русь есть не болѣе, какъ подготовленіе къ реформѣ Петра В. Разсматривая такимъ образомъ всю древнюю исторію Россіи, какъ подготовленіе къ принятію европейскихъ началъ, Соловьевъ, во взглядѣ на древнюю Русь, сходится съ отрицательнымъ направленіемъ, и въ свое время сильно напалъ на идеализацію *славянофиловъ*, назвавши ихъ направленіе *анти-историческимъ*.

По своему изложенію, исторія Соловьева представляетъ рѣзкій контрастъ со всѣми предъидущими трудами до Карамзина включительно. Тѣ носятъ на себѣ ѣздѣ слѣды *субъективныхъ* воззрѣній авторовъ; трудъ Соловьева можно назвать вполнѣ *объективнымъ*. Соловьевъ перелагаетъ лѣтописи и акты съ возможною точностью; изслѣдуетъ предметъ; рѣдко пробьется собственное чувство автора, или изложеніе перейдетъ въ разсказъ Отсюда весьма ощутительная тяжеловатость слога, еще болѣе усиливающаяся желаніемъ автора передать *все*, что сохранилось въ памятникахъ, не отдѣляя главныхъ фактовъ отъ самыхъ ничтожныхъ. Половецкіе набѣги, сношенія съ татарами и мелкія передвиженія князей повторяются съ утомительнымъ однообразіемъ, хотя бы и не заключали въ себѣ ничего, имѣющаго вліяніе на общій ходъ исторіи. Исторія Соловьева—это *ученый трудъ*, но не сочиненіе для общества. Впрочемъ это желаніе быть выразителемъ *всего*, что представляютъ самые источники, и *объективное* изложеніе фактовъ избавляютъ автора отъ односторонняго подбора ихъ: здѣсь онъ не руководится *чувствомъ*, какъ это видно на Карамзинѣ.

Въ то время, когда русская исторія строилась на началахъ, вы-

работанныхъ германскою наукою, а реформа Петра Вел. возводилась въ высшую степень историческаго развитія—появилось ученіе съ претензіей построить науку на исключительно національныхъ основаніяхъ. Оно было выработано въ правильную систему и приложено къ дѣлу. Дѣятелями этого направленія въ нашей исторіи были люди такъ-называемой *славянофильской школы*. Они прямо заявляютъ, что вся наша исторія разработывалась учеными *по нѣмецкой теоріи*, а потому нужно оставить этотъ способъ изученія и развить исторію изъ ея собственныхъ, *коренныхъ началъ*. Они выставляютъ на видъ тотъ фактъ, что всѣ западныя государства образовались завоеваніемъ и насиліемъ, а русское добровольнымъ подчиненіемъ, *призваніемъ* князей, мирнымъ путемъ. Отсюда они выводятъ *согласіе* русскаго народа съ властью. Въ основѣ русскаго государства лежитъ не родовой бытъ, а *общинный, вѣчевой*, болѣе уже *развитый*. Они полагаютъ, что чистота національной исторіи была нарушена *византизмомъ*, *татарскимъ игомъ* и *реформою* Петра В., которая разорвала связь народа съ государствомъ, и отъ сихъ поръ они пошли разными путями. Если Петръ В. долженъ былъ искать началъ для дальнѣйшаго развитія, то онъ долженъ былъ искать ихъ въ народѣ, а не въ чужой сторонѣ. Потому что въ русскомъ народѣ были начала, которыя до сихъ поръ сохранились въ простомъ народѣ. Симпатіи славянофиловъ—въ московскомъ государствѣ, которое представляется имъ объединителемъ всѣхъ общинъ въ одну большую: тогда изъ отдѣльныхъ вѣчъ образуется одно общее—*земскіе соборы*; а въ лицѣ московскаго царя выразится союзъ земли съ государствомъ. *Древняя Русь* развила въ себѣ коренныя славянскія начала, гдѣ не было розни между властью и народомъ, и гдѣ царствовала *свобода совѣсти*, *мысли* и *естественность въ отношеніяхъ*. Конечно, это направленіе можно назвать на столько національнымъ, на сколько имъ руководятъ національныя побужденія; но исторія не терпитъ идеализаціи, и всякій, знакомый съ общимъ ходомъ нашей исторіи, увидитъ, что въ положеніяхъ славянофиловъ много *искусственности*. Несомнѣнно, что въ началѣ нашей исторіи мы застаемъ еще борьбу родоваго быта съ общиннымъ, что въ московскомъ государствѣ уже образовалась розны политическая, что реформа Петра В. далеко не есть историческое зло.

Весьма близкое отношеніе къ этому направленію имѣетъ *Костомаровъ*, который сходится съ нимъ въ основныхъ положеніяхъ, но вполнѣ расходится въ примѣненіи ихъ къ историческимъ фактамъ. Онъ

согласенъ съ славянофилами о необходимости русскаго воззрѣнія въ наукѣ отечественной исторіи; вмѣстѣ съ ними онъ порицаетъ исключительно-государственное направленіе въ ученой разработкѣ ея; родовую теорію называетъ произвольною и признаетъ общинное начало присущимъ русской землѣ. Но этимъ и оканчивается ихъ сходство.

Костомаровъ не признаетъ, за древнимъ періодомъ русской исторіи, сознанія полнаго единства земли; а, напротивъ, тамъ онъ видитъ преобладаніе *федеративнаго строя*. »Вся исторія Руси удѣльнаго уклада, говоритъ онъ, есть постепенное развитіе федеративнаго начала, но вмѣстѣ съ тѣмъ и борьба его съ началомъ единодержавія«. Онъ по преимуществу *историкъ вѣчеваго быта*, и въ этомъ отношеніи остается послѣдовательнымъ до конца. Между тѣмъ, какъ *К. Аксаковъ*, въ стремленіи Москвы къ централизаціи, видитъ осуществленіе обще-русскихъ желаній, а въ самой централизаціи—соединеніе всѣхъ вѣчъ въ одно общее, выразившееся въ земскихъ соборахъ; Костомаровъ вездѣ проводитъ мысль, что Москва дѣйствовала *захватомъ*. Онъ находитъ большую аналогію ея исторіи съ исторіею Рима, образовавшагося изъ всякихъ пришельцевъ и потому готовыхъ на добычу и завоеваніе. Поэтому онъ слѣдитъ за отрицательными явленіями этого захвата: упадкомъ промышленности, самоуправленія и нравовъ въ самобытныхъ областяхъ древней Руси, покоренныхъ Москвою.

Въ литературномъ отношеніи, труды Костомарова представляютъ замѣчательное явленіе въ нашей исторіографіи. Въ своихъ требованіяхъ онъ не идетъ дальше »разсказа«, но въ этомъ отношеніи вполнѣ достигаетъ *художественности*—вотъ главная причина, что его произведенія сдѣлались общественными. Его описанія внутренняго быта, нерѣдко съ излишкомъ красокъ, читаются такъ же легко, какъ любое литературное описаніе. Какъ художникъ, онъ любитъ прибѣгать къ психологическому анализу и это ему вполнѣ удается. Іоаннъ III, Борисъ Годуновъ, Димитрій Самозванецъ, патріархъ Іовъ, Марѳа Нагая—мать царевича Димитрія, Василій Шуйскій—это живыя личности, а не снимки съ документовъ. Такимъ образомъ, по изложенію, Костомаровъ непосредственно примыкаетъ къ Карамзину; но въ основныхъ взглядахъ между ними есть одинъ рѣзкій оттѣнокъ: *Карамзинъ идеализируетъ государство, а Костомаровъ - вѣчевую Русь.*

Толки о народности, болѣе широкая точка зрѣнія на исторію и наконецъ постоянно увеличивающееся знакомство съ матеріаломъ, отно-

сящимся къ народному быту, вызвали потребность внести въ русскую исторію *этнографическій элементъ*. *Костомаровъ* требуетъ совокупнаго изученія прошедшаго и настоящаго, въ слѣдствіе совмѣстнаго дѣйствія исторіи и этнографіи. Онъ рекомендуетъ положить въ основаніи исторіи *этнографическія начала* и изучать прошедшее, постепенно восходя отъ настоящаго, по возвратной дорогѣ отъ царствованія Александра Николаевича до варяговъ, *отъ извѣстнаго къ неизвѣстному*. *Кавелинъ* въ своихъ »Мысляхъ о русской исторіи« обращаетъ вниманіе на *этнографическій составъ* Великорусскаго племени, какъ смѣшаннаго въ слѣдствіе многовѣковой *колонизаціи* [1]) сѣверо-восточной Европы и Сибири, и отсюда, на основаніи взаимныхъ вліяній, объясняетъ многія черты народной миѳологіи, общественнаго устройства и культуры страны. Но пока это только счастливое желаніе. Правда, и въ Германіи такъ называемая Culturgeschichte еще не получила вполнѣ права гражданства, и существуетъ помимо исторіи.

Но разработка *естественныхъ наукъ* на западѣ ставитъ эту задачу гораздо шире. Еще въ двадцатыхъ годахъ, извѣстный натуралистъ *Эдвардсъ* примѣнилъ физіологическіе пріемы къ рѣшенію вопроса о происхожденіи галльскаго племени и подтвердилъ историческіе факты. У насъ сочувственно отнесся къ этому покойный *Грановскій*, выразившись, что исторія и этнографія могутъ извлечь большую пользу *изъ естественныхъ наукъ* и изъ *физіологіи* въ особенности. *Ешевскій* предлагалъ приложить тѣже пріемы и къ русской исторіи.

Изученіе естественныхъ наукъ на западѣ дало свои результаты въ приложеніи естественныхъ законовъ къ исторіи, антропологіи, культурѣ и умственной жизни. Въ настоящее царствованіе у насъ явился рядъ переводовъ по естествознанію, которыя возбудили интересъ къ естественнымъ наукамъ, а знаменитое произведеніе *Бокля*, въ которомъ такъ широко приложены естественные законы къ исторіи, вызвало попытку примѣнить ихъ къ русской. Такъ поступилъ *Щаповъ*.

Но на первыхъ порахъ ему встрѣтились трудности. »Гдѣ у насъ Брока, Велькеры, Вагнеры, гдѣ Вирховъ, восклицаетъ онъ, которые бы создали намъ сравнительную этнографическую анатомію... Грустно, что у насъ историкъ большею частію не знаетъ фактовъ и законовъ естественныхъ.

---

[1]) Соловьевъ первый поставилъ вопросъ о колонизаціи въ нашей исторіи научнымъ образомъ.

А естесвтенникъ, который долженъ-бы пролить свѣтъ на русскую народную исторію, не знаетъ фактовъ историческихъ. Гумбольдтъ, великій географъ Риттеръ, Кетле и Либихъ—первые освѣтили лучемъ естественной истины законы исторіи—и тамъ явился Бокль. Изслѣдованіе Щапова имѣетъ характеръ *этнографическій: колонизація Россіи* и ея результаты—вотъ главная тема, возлѣ которой группируются остальныя части труда. Но оно поставлено въ довольно широкія рамки. Здѣсь приняты во вниманіе законы географическіе, вліяніе климата и почвы, умственныя силы народа и смѣшеніе племенъ.

Обширность территоріи и потребности жизни, при возможности свободнаго передвиженія и другихъ общественныхъ условіяхъ, влекутъ народъ къ переселенію на сѣверо-востокъ и въ Сибирь. Колонизація этихъ странъ была по преимуществу земледѣльческая, соотвѣтственно первоначальнымъ потребностямъ. Но, незнаніе естественныхъ условій почвы, при постоянномъ кочевомъ бытѣ переселенцевъ, обусловленномъ обширнымъ пространствомъ незанятой страны, отражалось губительно на народномъ хозяйствѣ. Человѣкъ вполнѣ подчинялся природѣ: климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, что опять вредно отражалось на умственномъ міросозерцаніи. Вотъ почему Петръ В., вводящій начала западно-европейскаго хозяйства и науки, поставленъ здѣсь такъ высоко. Но, вступая въ среду новыхъ народностей, великорусское племя, необходимо должно было смѣшиваться; а въ слѣдствіе физіологическаго и взаимнаго вліянія, рождались новыя племенныя особенности. Риттеръ—послужилъ Щапову для выводовъ географическихъ; Либихъ—для оцѣнки вліянія почвы; Кетле—для распредѣленія населенія; Брока изслѣдованіями о черепахъ, а Дарвинъ своимъ закономъ о борьбѣ за существованіе и естественномъ подборѣ.

Впрочемъ, недостатокъ данныхъ чувствуется во всемъ изложеніи Щапова: авторъ не всегда твердо стоитъ на исторической почвѣ и часто прибѣгаетъ къ аналогіямъ, которыя заставляютъ его отвлекаться въ сторону, недавая еще прямаго результата.

Однако потребность времени высказалась ясно: *Антропологическое общество*, основанное въ Москвѣ, поставило себѣ задачею содѣйствовать своими трудами отечественной исторіи, и начало ихъ заставляетъ ожидать многаго впереди.

Таковъ общій ходъ науки русской исторіи.

Онъ убѣждаетъ насъ, что русская исторіографія постоянно разви-

валась подъ вліяніемъ *общеисторической* критики. А этотъ фактъ лучше всего подтверждаетъ необходимость изученія русской исторіи *въ связи съ всеобщею*.

Наука должна пользоваться добытыми результатами. Законы историческаго развитія одинаковы; потому что одинаковыя причины производятъ одинаковыя слѣдствія. Но примѣненіе ихъ можетъ быть различное, а это зависитъ уже отъ условій страны, на которыя поэтому и слѣдуетъ обратить вниманіе. Вся ошибка нашихъ историковъ заключалась въ томъ, что они слѣдовали болѣе *теоріямъ*, выработаннымъ всеобщею исторіею, а не ея *методу*.

Насущный вопросъ нашей науки въ настоящее время, отъ котораго можно ожидать важныхъ результатовъ — это *этнографія* и *исторія колонизаціи* Но пока недостатокъ источниковъ этого рода или, лучше сказать, безпорядочность въ ихъ изданіи, еще долго будетъ служить задержкою въ правильномъ его развитіи. Мы долго сидѣли на варягахъ и вопросѣ о Несторѣ—и потому трудно будетъ пополнить пробѣлъ. Но въ наукѣ, какъ и въ жизни, по прекрасному выраженію Грановскаго, на все есть свой чередъ.

DK 38 .I4
Obshchii vzgliad na razvitie n
Stanford University Libraries
3 6105 041 443 990

DK
38
I4

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

APR 27 1979

JUL 16 1979

OCT 15 1984